

Стеклянная водная виолончель и лучший слушатель

Возможно, дело было в том, что прежде их отношения сложно было назвать приятными, а может, Ши Цзю сейчас выглядел слишком искренним — настолько, что его невозможно было соотнести с тем задирой, который вечно лез на рожон. Глядя на него, Чэнь Ай тихо рассмеялся, добавив к своему внутреннему портрету юноши ещё два штриха: «чистосердечие» и «бескомпромиссность».

Ши Цзю нахмурился:

— Эй, ты можешь перестать вешать на меня ярлыки...

Чэнь Ай протянул руку и ладонью накрыл его пальцы, всё ещё замершие в воздухе, прерывая протест на полуслове.

Тепло рук передалось друг другу, и в этот миг Чэнь Ай увидел, как вокруг них закружилось сине-фиолетовое сияние.

«Странное чувство...» — подумал Ши Цзю. Заводить друзей для него было делом привычным, но он никогда не ощущал такой значимости этого момента. Возможно, дело было в некоем подобии ритуала, а возможно, в принципе социальной компенсации: когда два человека, изначально симпатизирующие друг другу, ссорятся, их взаимная оценка падает ниже объективной нормы. Но когда двое, чей старт был омрачён взаимной неприязнью, внезапно находят общий язык, ценность таких отношений взлетает выше любых других.

Если бы у чувств был цвет, Ши Цзю был уверен — сейчас они окрасились бы в сине-фиолетовый, подобно вечерней заре.

Ши Цзю собирался в библиотеку.

— Будь осторожнее, — негромко произнёс Чэнь Ай. — В последнее время... — он запнулся, а затем добавил мягче: — Случилось несколько досадных инцидентов подряд, но Центр управления безопасностью скоро со всем разберётся. Цзи Шуйфэн очень способная.

— Я знаю, — Ши Цзю не сомневался в её силах.

Он уже направился к выходу, но у самых дверей остановился и обернулся:

— Слушай, у тебя в ближайшее время будет много работы?

Чэнь Ай вопросительно приподнял бровь.

— У меня тут назревает одно небольшое изобретение. Найдёшь минутку взглянуть, когда освободишься?

— Разумеется.

Спустя столько времени Ши Цзю наконец-то вернулся в библиотеку. К его облегчению, Сяо Цзе приходила сюда каждый день и сидела на прежнем месте. Юноша без труда её нашёл.

Увидев того, кого так долго ждала, Сяо Цзе заметно расслабилась.

— О боже, ты наконец-то пришёл! Как ты? Всё зажило? Шрамов не осталось? — посыпались на него встревоженные вопросы.

Ши Цзю сел рядом и покачал головой:

— Всё в полном порядке, восстановился целиком.

— Ну и слава богу. Я уже думала идти во Всемирный центр цивилизации и подавать запрос на розыск, — выдохнула Сяо Цзе. Она достала из сумки чертежи Ши Цзю и разложила их перед ним. — За этот месяц я составила список правок. Кое в чём я и сама не до конца разбираюсь, поэтому съездила к Симону. Ты ведь знаешь, кто такой Симон?

Ши Цзю снова качнул головой. Откуда ему было знать местных мудрецов и мастеров?

Сяо Цзе принялась объяснять, что Симон — легендарный мастер-лютье Эндено, чьё искусство граничит с магией. Он уже давно не выходит в свет из-за преклонного возраста, и делами в основном заправляют его ученики. Сяо Цзе просто несказанно повезло: когда она приехала, Симон как раз проходил курс реабилитации. Она встретила его на залитом солнцем лугу и мастер, пребывая в благодушном настроении, соизволил дать ей несколько бесценных советов.

Пометок на чертежах прибавилось, к некоторым даже были прикреплены стикеры с подробными пояснениями.

— Места, где живёт Симон, просто сказочные: горы за спиной, море впереди, а кругом — бескрайние луга и леса. И ещё огромные ветряные мельницы. Там почти нет людей, но добираться... ох, я сменила несколько видов транспорта и провела в пути больше тридцати часов, — рассказывала Сяо Цзе. — Тебе стоит как-нибудь туда съездить. Простая прогулка в тех краях наполняет энергией на годы вперёд.

Ши Цзю подумал, что это прекрасная идея — он ещё толком не видел дикой природы Эндено.

Сяо Цзе тем временем сосредоточенно объясняла детали:

— Длину корпуса в триста пятьдесят семь миллиметров пришлось увеличить до трёхсот шестидесяти пяти. Поскольку звук будет меняться за счёт залитой внутрь воды, нам нужен больший объём, чтобы расширить диапазон доступных регистров. Ширина верхней части теперь сто шестьдесят пять миллиметров, нижней — двести десять.

— Градиент высоты боковых стенок и толщины деки тоже пришлось подправить, это уже личная рекомендация Симона...

Прядь её льняных волос упала на лицо, скрывая профиль, но Ши Цзю видел, с каким самозабвением она говорит о деле.

Когда пояснения подошли к концу, Ши Цзю спросил:

— Там и впрямь так красиво?

— Что? — Сяо Цзе, только что вещавшая о технических тонкостях, не сразу сообразила, о чём он. Спустя секунду она закивала: — Невероятно красиво. Дорога была тяжёлой — пришлось и через горы лезть, и реки вброд переходить. Я ведь даже не знала точного адреса, плутала по деревням, расспрашивала каждого встречного... Но когда я увидела те пейзажи и самого мастера, я поняла: оно того стоило.

На самом деле Ши Цзю интересовало совсем другое. Он пытался подобрать слова, но в итоге спросил прямо:

— Я вот о чём подумал... Мы ведь просто случайные знакомые, чужие люди. Почему ты согласилась проделать всё это ради меня? Судя по твоему рассказу, путь к Симону был не из лёгких. Почему ты это сделала?

Встретившись с ней взглядом, Ши Цзю почувствовал, что задал ужасно глупый вопрос.

Сяо Цзе тихо рассмеялась, прикрыв рот рукой, чтобы не нарушать тишину библиотеки:

— С чего ты взял, что я сделала это ради тебя?

Ши Цзю замер, а она продолжала почти шепотом:

— Нельзя смотреть на вещи так узко. Понимаешь, ни один поступок не ограничивается

влиянием лишь на одного человека. Изначально твоему инструменту чего-то не хватало, но с моей помощью он стал совершенным. Возможно, ты будешь использовать эту виолончель, чтобы учить студентов? Или создашь что-то ещё. Люди, услышав тембр, который ты сотворил, могут вдохновиться на прекрасные свершения.

— Представь, чисто гипотетически: если однажды я окажусь на больничной койке, потеряв всякую надежду, и случайно услышу музыку, рождённую этим инструментом... Если она тронет меня так сильно, что я захочу жить дальше — разве всё, что я делаю сейчас, не обретёт высший смысл? Мне нравится смотреть на такие мелочи в масштабе далекого будущего.

— А вдруг благодаря этому инструменту ты встретишь свою любовь, пока будешь играть? Выходит, я поспособствовала твоему счастью.

Видя, что Ши Цзю молчит, она легко махнула рукой:

— Ты ещё не достиг совершеннолетия, тебе не понять. Позже узнаешь.

— Я понимаю, — возразил Ши Цзю.

Но Сяо Цзе стояла на своём:

— Нет, не понимаешь. Вот исполнится тебе двадцать лет, пройдёшь церемонию — тогда ты сможешь вступать в прямой ментальный контакт с другими людьми без остатка. Только тогда ты осознаешь, что значит прикоснуться к чужой душе. Пока ты несовершеннолетний, твоё сознание заперто в тесном ящике, ты просто не можешь охватить всё это. Как же ты можешь знать?

Ши Цзю решил, что в её словах есть резон. Что ж, побудет пока человеком с «запертым сознанием».

Спустя некоторое время Ши Цзю наконец-то воплотил свою идею в жизнь. Проснувшись, он первым делом создал инструмент в реальности, но не смог перенести его в сон. Тогда уже в мире грез он с помощью Сяо Цзе нашёл мастерскую и договорился с лютые о совместном изготовлении дубликата.

Но создать вещь было мало — требовались долгие часы практики. Изначально он планировал сделать инструмент для игры одной рукой, но позже понял: чтобы передать всю бархатистость и нюансы звука, необходим смычок. Так что в итоге он изготовил и его.

Со своим новым изобретением он отправился к Чэнь Аю.

Когда он вернулся в кабинет, за окном уже стемнело. Куратор, судя по всему, только что закончил дела — когда Ши Цзю вошёл, тот сидел, откинувшись на спинку кресла с закрытыми глазами.

Поскольку Ши Цзю обычно исчезал при пробуждении, Чэнь Ай никогда не знал наверняка, когда тот вернётся. Но если он задерживался в офисе допоздна, они почти всегда виделись.

— Ты уже закончил на сегодня? — спросил Ши Цзю.

— Да, — Чэнь Ай открыл глаза. — Собирался уходить.

— погоди, не уходи. Хочу тебе кое-что показать, — Ши Цзю подошел к столу, снял с плеча футляр и осторожно его открыл.

Внутри лежал инструмент, прозрачный и чистый, словно выточенный из цельного кристалла.

Чэнь Ай впервые видел нечто подобное и встал, чтобы рассмотреть диковинку поближе.

— Твоя работа? — спросил он.

Ши Цзю бережно достал виолончель, сел на диван, приняв классическую позу исполнителя, и ответил:

— Идея моя, но помогли друзья. Мы сделали её вместе.

Помедлив, он добавил:

— Я ведь могу использовать её вместо обычной виолончели?

— Конечно.

Ши Цзю пару секунд внимательно наблюдал за выражением лица Чэнь Ая, но не заметил ни тени фальши или замешательства. Куратор вёл себя так, будто само понятие «виолончель» было для него чем-то само собой разумеющимся.

Ши Цзю отвел взгляд. Он коснулся струн, проверяя настройку и убеждаясь, что тембр при нынешнем уровне воды в корпусе именно такой, как ему нравилось.

Заинтересованный Чэнь Ай пододвинул стул поближе, чтобы лучше видеть и юношу, и его творение.

Закончив настройку, Ши Цзю заметил пристальный взгляд Куратора и лукаво прищурился:

— Господин Куратор, ваше место в партере платное.

Он направил смычок на Чэнь Ая, словно шпагу:

— В моём мире за такие выступления платят по тысяче за песню. Извольте рассчитаться.

Чэнь Ай невольно улыбнулся:

— Хорошо. Запиши в долг.

«В долг? Серьёзно?» — хмыкнул про себя Ши Цзю.

Мастерство юноши было отточенным, а репертуар — обширным. И когда он коснулся смычком струн, мир вокруг погрузился в безмолвие.

Тембр инструмента был поразительным: он напоминал песнь лесного духа у бегущей воды — тихую, умиротворяющую и в то же время кристально чистую. Казалось, мимо проносится легкий ветерок, под ногами журчит ручей, шелестит листва, а невидимые существа играют друг с другом в прятки. Это была музыка покоя, словно последнее заветное желание, исполненное в тишине.

Чэнь Ай замер, не сводя глаз с Ши Цзю и внимая каждой ноте.

Однако эта безмятежная мелодия не принесла ему успокоения. Напротив, его мысли пустились в безудержный полет. Они прорывались из самых глубин сознания, вырывались из сердца — тени давно забытых, полных юношеского пыла лет тянулись к свету, и ему стоило огромных усилий подавлять этот порыв.

Ши Цзю, полностью погрузившись в музыку, исполнил несколько пьес. Он чувствовал, что играет хорошо, и слышал негромкие аплодисменты Куратора после каждого произведения.

Юноша решил, что слушатель из Чэнь Ая вышел отменный — благодарный и внимательный.

Он на мгновение задумался, глядя в потолок, и вдруг, словно что-то вспомнив, сказал:

— Сыграю тебе ещё одну. Последнюю. Больше — только за отдельную плату.

— Хорошо.

— Жаль... — Ши Цзю хотел сказать, что жаль, что Чэнь Ай не живет в его реальности, но осекся. Помолчав, он перефразировал: — Было бы здорово, если бы ты смог побывать на моём концерте.

— На каком концерте? — спросил Чэнь Ай.

Ши Цзю неопределенно махнул рукой:

— На сольном. Когда я заканчивал магистратуру, то подумал: раз уж выставка моих дизайнерских работ состоялась, а виолончель — это вторая специальность, почему бы не устроить и музыкальный вечер? Ну и организовал всё по-быстрому.

Чэнь Ай слегка кивнул:

— Теперь я тоже его слышал.

— Это водная виолончель, а та была классической, разница всё же есть. Хм... А хочешь, я сыграю то, что мне больше всего нравилось на том концерте? — Ши Цзю занес смычок над струнами. — Я сам это написал. Могу играть с закрытыми глазами.

— Давай.

Ши Цзю и впрямь закрыл глаза.

Едва прозвучали первые такты, Чэнь Ай оцепенел. Он смотрел на играющего юношу, и его разум на мгновение отказался служить. Сердце вдруг пропустило удар, а затем забилось часто и тяжело. Ошеломление сменилось странным облегчением. Он затаил дыхание на несколько секунд, а затем беззвучно рассмеялся.

Он прикрыл лицо ладонью, но та не могла скрыть волну искренней, глубокой радости. Его губы дрогнули в улыбке — пожалуй, впервые за много лет он улыбался так открыто и полно.

Свет в комнате начал сгущаться, обретая форму полупрозрачных, переливающихся пятен. Разноцветное сияние окутало его, пронеслось мимо Ши Цзю — нежное, словно вихрь из осенних листьев, оно кружилось всё быстрее, описывая круг за кругом.

Стоило Чэнь Аю протянуть руку, как эти огни послушно обвилились вокруг его пальцев. Свет был теплым, а прикосновение — невесомым и до боли знакомым. Оно напоминало одновременно прохладную воду и мягкое перо, вызывая в душе трепет.

Сияние стало появляться всё чаще. Значило ли это, что его способности возвращаются?

Прошло столько лет... Казалось, целая вечность, за которую воспоминания стерлись и потускнели. Но стоило коснуться этих бликов, как память хлынула неудержимым потоком: радость, утешение, восторг, светлая печаль и безудержное ликование —

Все те чувства, которых он был лишён.

В ночи этот кабинет казался единственным местом, где уже наступило утро.

<http://bllate.org/book/16109/1585985>